

Т.Ю. МОРЕВА

Украина, Одесса, Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ Э. РАМПО
«ПЛОД ГРАНАТА» (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)**

Детективный жанр зарождается в японской литературе в XX веке. Комментируя столь позднее формирование детективной литературы в Японии, Г.Б. Дуткина пишет: «Ученые были склонны объяснить это при- скорбное обстоятельство отсутствием должной научно-фантастической ба- зы (что, кстати, в полной мере относится и к научно-фантастической лите- ратуре), общей социальной неразвитостью Японии начала XX века, разли- чиями в менталитете японцев и европейцев, бюрократичностью государ- ственного аппарата, а также традиционной регламентированностью и ори- ентацией среднего японца на социальную группу – последнее почти ис- ключало возможность инициативы частного расследования, составляюще- го стержень детективной литературы...» [1, с. 7]. Первым произведением этого жанра в японской литературе стала повесть Э. Рампо «Плод грана- та». Однако значимость анализа системы точек зрения в избранном нами произведении в еще большей степени обусловлена той разновидностью де-

тективной литературы, к которой оно принадлежит. «Известно, – пишет Г.Б. Дуткина, – что детективы делятся на научные и интуитивные. Первые раскрывают совершенное преступление позитивными средствами исследования материальных улик (в Европе это направление представлено романами О. Фримена, Ф.У. Крофтса), вторые основываются на догадке и интуитивном проникновении в психологию преступника (Агата Кристи, Г.К. Честертон, Э.К. Бентли и др.)» [1, с. 10]. Следованием Э. Рампо принципу интуитивного метода и обусловлена его установка на игру с читателем в процессе поиска разгадки преступления путем включения разнообразных версий случившегося. В немалой степени это связано с выбором им мастеров детективного жанра, в диалог с которым он вступил, создавая свои произведения. Это, во-первых, американский романтик Эдгар Алан По (известно, что иероглифы псевдонима Эдогавы Рампо – настоящее имя писателя Таро Хирай – созвучны с именем Э.А. По), а также Артур Конан Дойл. Оба, и Э.А. По, и Конан Дойл, сосредоточили внимание на воссоздании процесса интеллектуальной работы сыщика, для которого анализ психического состояния преступника, а также реконструкция его действий становились путем к его разоблачению. А для этого необходимо было «дать слово» в повествовании лицу, благодаря гениальной догадке которого разоблачение стало возможным. При этом традиционной была система персонажей: гениальный сыщик, его помощник и, наконец, банально мыслящий представитель официального следствия. Итак, опора на включение в повествование разных точек зрения заложена, в первую очередь, типом того детектива, традициям которого следовал Э. Рампо.

Сюжетное ядро повести Эдогавы Рампо составляет история страшного по своей жестокости преступления: в жертву влили серную кислоту. В результате невозможно было поначалу установить личность убитого, напоминавшего «огромный растрескавшийся гранат, облаченный в полосатое кимоно» [3, с. 806]. Позже по одежде в нем опознали разорившегося владельца процветавшей ранее фирмы. И, наконец, благодаря усилиям Сайто, считавшегося «лучшим сыщиком префектуры» [3, с. 828], было установлено имя преступника. Им оказался бесследно исчезнувший вместе с принадлежавшими акционерному обществу и хранившимися у него дома пятьюдесятью тысячами иен Манъуэмон Танимура. К тому же он был давнишним врагом убитого Соити Котоно. Но абсолютно новое направление следствию, когда дело было «практически закрыто», дала новая улика. Это были отпечатки пальцев в дневнике исчезнувшего Танимуры, которые полностью совпали с отпечатками пальцев жертвы. Поэтому предполагавшегося убийцу перестали искать, признав его убитым. Что же касается Соити Котоно, который из жертвы превратился в преступника, то его поиски ничего не дали. И лишь через десять лет сам убийца, Манъуэмон Таниму-

ра, в свою последнюю встречу с тем самым полицейским, который обнаружил отпечатки, опроверг результаты его логических построений, признавшись в том, что улика была им специально подброшена в расчете на банальность мышления знакомого ему сыщика. Кстати, на похожей ситуации (преступник делает все, чтобы его жертву приняли за него самого, и он, таким образом, смог скрыться и избежать наказания) строится другой рассказ Эдогавы Рампо «Дьявол». Но только в нем преступником является женщина, убившая соперницу и попытавшаяся сделать так, чтобы наказание за убийство понес отвергший ее мужчина.

Вначале рассказ ведется от лица полицейского, которому, как ему казалось, так блестяще удалось завершить расследование. Во второй части значительное место занимают высказывания изменившего внешность и представляющегося другим именем (Иноматы) Танимуры. Несмотря на то, что в повести совмещено два временных плана (первый – время совершения и расследования преступления, второй – рассказ о случившемся и обнаружение настоящего преступника через десять лет), первая часть повести «Плод граната», согласно предложений В. Шмидом типологии произведений (правда, исследователь заметил, что связывать эти типы с определенными произведениями не так уж и легко, поскольку «в большинстве случаев точка зрения – явление не постоянное), ближе к четвертому из выделенных типов. В нем «диегетический нарратор повествует о своих приключениях с точки зрения повествуемого “я”... сообщая только то, что ему как повествуемому “я” было известно в соответствующий момент и оценивая происшествия и людей по меркам своего прежнего “я”. Его цель – “восстановить впечатление”» [5, с. 130]. В результате «коммуникативный акт вербализации» [4, с. 5] осуществлен так, что читатель воспринимает и оценивает ситуацию через призму видения ее допустившим ошибку следователем. Во второй части передана точка зрения на события преступника, предлагающего свою, т.е. ту, что явилась истинной, версию случившегося. Тем самым разоблачается основанный на позитивных средствах истолкования улик тип детективного повествования.

Обращает на себя внимание оценка преступления рассказывающим о нем полицейским. С одной стороны, он всячески подчеркивает его незначительность: «дело было не столь уж громкое» [3, с. 795], «случай довольно заурядный. За давностью лет я совершенно забыл о нем...» [4, с. 802]. С другой – называет выдающимся: «все мельчайшие подробности того из ряда вон выходящего, изощреннейшего преступления» [3, с. 795]. Подобная противоречивость оценок присутствует и в рассказе Эдгара По «Похищенное письмо», где префект говорит, что преступление, о котором он собирается поведать Дюпену, – «дело чрезвычайно простое», «дело это на редкость просто», а потом добавляет, что «оно такое причудливое», что

ставит всех «в совершенной тупик» [3, с. 327]. В обоих случаях приводится точка зрения того самого персонажа, примитивность и банальность мышления которого обыгрывается авторами. Однако, если у Эдгара По начальник полиции Парижа просто не хочет признаваться в собственном фиаско и поэтому характеризует преступление как простое, с которым они (полицейские) сами «превосходно» справятся, а рассказывает о нем лишь потому, что оно «доставило ему много неприятных хлопот» [3, с. 327] и будет занятно его старому знакомому, у которого множество «причуд», то у Эдогавы Рампо, как представляется, причина подобной противоречивости оценки преступления иная. Скорее всего, таким способом рассказывающий о нем полицейский хочет подчеркнуть не только свою скромность, но и гениальность как сыщика. Неслучайно в этом плане его замечание: «Удивительно, как один-единственный отпечаток может разрушить всю стройную версию! Позвольте похвастаться: обнаружил хитрость преступника ваш покорный слуга. По одному отпечатку я изобличил убийцу, за что удостоился похвалы самого начальника управления» [3, с. 831–832]. О совершившем же преступление он говорит снисходительно: «...он допустил непростительный промах: совершенно забыл об отпечатках пальцев. А ведь именно кожный узор – неповторимая отличительная особенность человека» [3, с. 842]. Хотя, как потом обнаружится, промах допустил он сам, построив доказательства всего лишь на двух отпечатках пальцев, обнаруженных в доме исчезнувшего Танимуры, и не попытавшись исследовать другие отпечатки, которые, безусловно, там были и которые разрушили бы его версию. В свете этого ирония преступника по отношению к способностям рассказчика как следователя имеет все основания. «И следствие основывалось только на вашей гениальной догадке?» – задает он тому вопрос [3, с. 843]. Показательна и реакция рассказчика: «Меня передернуло, – сообщает он. – Наглец! Как он смеет говорить это мне – опытному полицейскому, отдавшему любимой работе столько лет?» [3, с. 848]. Но читатель, как главный реципиент воссоздаваемой картины преступления, все больше разделяет подобную ироническую оценку его способностей.

По существу, повесть Эдогавы Рампо заканчивается посрамлением полицейского, пошедшего тем путем, который был задан ему преступником. Такой финал является аргументом в его споре со сторонниками «научного» детектива. Однако при этом возникает вопрос: только ли выбором в качестве героя-полицейского человека, лишенного дара интуиции и способности логического мышления обусловлена победа преступника? Обратим внимание на неоднократно встречающиеся в тексте произведения замечания относительно демонического начала в Иномате-Танимуре. «Мне, – сообщает полицейский, – вдруг почудилось, что я беседую с оборотнем. Нечто огромное, страшное заслонило весь мир. Но это «нечто никак

не могло обрести конкретную форму, приводя меня в исступление» [3, с. 853]. А позже и сам убийца признается: «Знаете, во мне, видно, дьявол сидит» [3, с. 859]. Необычным является и место, где происходит ситуация рассказывания о преступлении: на краю зияющей глубокой пропасти. «Идеальное место, – говорит Иномата. Только здесь и слушать такие истории! Один неверный шаг – и смерть. В этом есть своя прелесть, верно?» – с «гордостью» заключает он [3, с. 803]. Позже окажется, что место было выбрано не случайно: преступник решил покончить с собой. История расследования совершенного им преступления, рассказанная полицейским, закончилось тем, что напоминающего после действия серной кислотой лопнувший гранат погибшего приняли за него. История, которую узнает читатель, – смертью преступника, который как бы занял «свое» место: его тело, лежащее среди бурунов, «было похоже на ярко-алый, огромный, растрескавшийся от спелости плод граната...» [3, с. 862]. Таким образом, хотя зло и не было разоблачено из-за банальности взгляда на него полицейского, оно было остановлено самим преступником. Но главное здесь – не наказание, а выявление природы этого зла. По-видимому, Эдогаву Рампо, кроме вопроса о значимости интуиции, логики и умения встать на место преступника, чтобы понять его и разоблачить, волновала и проблема сложности природы человека, обнаружения в нем темной демонической силы.

Суть детективной повести Э. Рампо «Плод граната» заключается в разоблачении следствия, которое опирается на очевидное, игнорируя логику поведения преступника. Для усиления эффекта неожиданности автор включает в нее своего рода пуант: после завершения изложения полицейским обстоятельств расследования, выражения им своей точки зрения, которой придерживался до этого момента и читатель, следует изложение тех же событий через призму видения их настоящим преступником. И читатель убеждается в ложности того, что представлялось и ему самому неоспоримым. В этом заключается смысл той «нарративной игры», которую вел с ним автор. Необходимость персональной точки зрения в этом произведении вызвана также поставленной в нем проблемой таинственных глубин природы преступника, наличием в нем демонического, разрушительного начала.

Список использованной литературы

1. Дуткина, Г. Б. Мистификация длиною в жизнь / Г. Б. Дуткина // Демоны луны / Э. Рампо ; сост. и общ. ред. Р. В. Грищенко. – СПб. : Кристалл, 2000. – С. 5–20.
2. По, Э. Рассказы / Э. По ; пер. с англ. – М. : Худож. лит., 1981. – 351 с.
3. Рампо, Э. Демоны луны / Э. Рампо ; сост. и общ. ред. Р. В. Грищенко. – СПб. : Кристалл, 2000. – 864 с.
4. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Ариерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
5. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славян. культуры, 2003. – 312 с. – (Studia philologica).